

Без стыда и по совести

Что стало с теми, кто выступал против антидетского закона

Мария Эйсмонт

The New Times, 24.12.2013

<http://newtimes.ru/articles/detail/76376>

На декабрьской пресс-конференции год назад Владимир Путин был вынужден несколько раз отвечать на вопросы о «законе Димы Яковлева», который он тогда только собирался подписать. В этом году тема российских детей-сирот прозвучала всего один раз, в самом конце встречи. Ответ Путина на реплику журналиста Bloomberg о том, что некоторые дети, которых не успели усыновить иностранцы, за истекший год умерли, состоял из одного предложения: «А вы не забыли, что некоторые дети, которые были усыновлены в США, тоже умерли?» Это был сигнал: тема больше не актуальна

Статистика за 2013 год, которая ожидается в январе, покажет, смогли ли российские и другие иностранные приемные родители усыновить на 600 детей-сирот больше — примерно столько, по данным www.usynovite.ru, приходилось на американское усыновление в 2012 году — и сколько из них будет детей-инвалидов (американцы в прошлом году взяли 71). Но уже сегодня известно, что из 259 сирот, которые уже познакомились со своими будущими американскими родителями, но остались в России из-за закона, 95 так и не нашли себе за год семью. Некоторые из них — те, что постарше, — до сих пор помнят американцев и спрашивают, когда за ними приедут. Так, по словам уполномоченного по правам ребенка из Санкт-Петербурга Светланы Агапитовой, два братика 6 и 7 лет и девочка 7 лет за год не забыли тех, кого им представили папой и мамой. «Конечно, ничего страшного, кроме очень тяжелой психологической ситуации для ребенка, которому должны были объяснять: «За тобой не приедут и тебя не заберут». Как минимум двое детей с синдромом Дауна за это время умерли. Впрочем, ни один из них не числился в «американском списке», поскольку их несостоявшиеся американские родители не успели до запрета оформить все необходимые документы». (Об этих и других не уехавших в Америку детях The New Times рассказывал в материале «Невыездные дети» в № 40 (307) от 2 декабря).

Рассуждать о судьбах этих детей сегодня не хочет не только президент, но и большинство депутатов Госдумы, которые год назад подавляющим большинством приняли закон — за неделю сразу в трех чтениях. Вопросы о детях здесь мало кому кажутся уместными: дело прошлое, тема закрыта, все, что можно было сказать, давно сказано. В здании на Охотном Ряду готовятся к Новому году: пленарные заседания еще идут, но в коридорах уже пахнет скорыми зимними каникулами. Зампред Госдумы Сергей Железняк передал через помощницу, что не сможет прокомментировать The New Times итоги года после принятия «закона Димы Яковлева», поскольку «занят». От себя помощница добавила, что Железняк — не единственный автор закона. Руководитель фракции «Единая Россия» Владимир Васильев также не нашел времени поговорить о детях-сиротах, а его помощница отметила, что Владимир Абдуалиевич предпочитает комментировать проблемы безопасности.

Один из главных лоббистов закона, зампред Комитета по делам семьи, женщин и детей, депутат от «Единой России» Ольга Баталина уверяет, что ее позиция с момента принятия закона не изменилась, поскольку не изменился и «набор крайне серьезных претензий к государственной системе Соединенных Штатов, к работе социальных служб, к нормам законодательства». Да, она знает из прессы о судьбах конкретных детей, оставшихся в российских детских домах из-за принятого депутатами закона. Знает о проблемах детей-инвалидов, для которых пока в России катастрофически не хватает усыновителей, притом что

даже во Франции предпочитают здоровых. Но есть и другие судьбы детей, покалеченные в Америке: Баталина ссылается на опубликованное в сентябре расследование агентства Reuters, рассказывающее, как некоторые американские семьи передавали усыновленных за границей, в том числе в России, детей посторонним лицам через интернет, когда понимали, что не справляются, и с некоторыми из этих детей происходили потом страшные вещи.

«Я голосовала за этот закон абсолютно осознанно, — говорит Баталина. — Наверное, есть депутаты, которые имеют другую точку зрения». — «Говорили также о беспрецедентном давлении на сомневающийся». — «Есть вопросы и события — их не так много, — в оценке которых Дума единодушна, — отвечает зампред Комитета по делам семьи. — Говорить о давлении на отдельных депутатов, когда вся Дума проголосовала за этот закон, — нелепо».

Единственный депутат от правящей партии, проголосовавший против закона, Борис Резник, обсуждать мотивы своего несогласия с коллегами по фракции отказался: «Что это за журналистика такая — вспоминать закон, который уже год назад приняли?! Ну приняли закон и приняли, тема уже давно прошла». На вопрос, не жалеет ли он о своем выборе и что ему за это было, Резник сказал, что не жалеет, ничего ему не было, но говорить на эту тему сегодня он категорически не желает.

Но поговорить все-таки стоит.

Восьмеро смелых

Текста поправки о запрете американского усыновления, появившейся в законе «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод граждан РФ» ко второму чтению, до самого дня заседания почти никто не видел. Законодатели обсуждали в кулуарах «мужские» варианты дипломатического ответа американцам на «акт Магнитского» — от закрытия натовской логистической базы в Ульяновске до вывода активов ЦБ, размещенных в казначейских обязательствах США. Слух о том, что ответ будет касаться детей-сирот, появился только накануне второго чтения, и все сразу поняли, что дело серьезное.

«На (заседании) фракции ряд людей был против, — вспоминает депутат-справоросс Сергей Петров. — Но когда мы увидели, как Левичев и Миронов темпераментно кричат: «Вы что?!» — то стало очевидно, что с них взяли какое-то обещание. С большой долей вероятности на встрече с лидерами четырех фракций Путин попросил быть тут едиными. И похоже, это было подкреплено обещанием увеличить финансирование партий. Вообще у администрации Путина есть опасения, что если будет раскол элит, туда затечет какая-то Болотная или Майдан начнется... И это опасно».

С юридической точки зрения голосование «против» равносильно воздержанию и неучастию в голосовании. Но депутаты хорошо понимают нюансы. «Если ты в Думе не голосуешь — этого достаточно, чтобы показать, что ты это не поддерживаешь, — объясняет справоросс Дмитрий Гудков. — А если ты голосуешь против, то тем самым говоришь: я вам бросаю вызов — тем, кто это придумал».

Во втором чтении «вызов тем, кто это придумал», бросили четверо — Гудков, Петров, Зубов и Пономарев (все из СР), еще двое, Пахолков (СР) и Максакова (ЕР), воздержались, 40 депутатов не участвовали в голосовании.

«Когда мы голосовали против, — вспоминает Сергей Петров, — один из депутатов, сидевших рядом, ужаснулся: «Вы что делаете?! Они теперь нас сожрут, вы что!» То есть напуганность даже людей с мандатом поражает».

Но пример четырех депутатов скорее вдохновил, чем отпугнул: в третьем чтении число бунтарей увеличилось вдвое и составило восемь человек: к перечисленным выше присоединились депутат-единоросс Борис Резник, коммунисты Жорес Алферов и Олег Смолин, а также справедливоросс Андрей Озеров.

«Вообще в этой ситуации самый смелый и крутой — это Резник, — уверен Дмитрий Гудков. — Его позиция смелее моей, потому что в данном случае он пошел против линии партии, находясь в этой партии. Он за это мог и может получить больше проблем».

Быть принципиальным не опасно

Депутат от КПРФ Родин — из тех, кто во втором чтении «принципиально не стал голосовать» за закон, за что получил эсэмэску с благодарностью от одного из избирателей. В день третьего чтения он выехал на встречу со студентами, передав свою карточку коллегам по фракции. «Я попросил, чтобы мое мнение соблюли, но так получилось, что тот, с кем я договаривался, он тоже отошел и передал карточку другому... Ну, вот такая история, в общем, обычная, бытовуха депутатская. Я-то был уверен, что нажали правильно, я ведь не знал, кто будет нажимать в итоге».

О том, что он проголосовал за закон, депутат Родин узнал от другого избирателя, который написал ему письмо, полное упреков. «Я залез в архивы и убедился, но это уже было поздно, поезд ушел. Это уже к себе претензии надо высказывать».

Несмотря на это недоразумение, Родин уверен: никакого давления во фракции на рядовых коммунистов не оказывалось, каждый депутат мог голосовать так, как считал нужным.

Депутат от КПРФ Олег Смолин во втором чтении не голосовал по причине отсутствия на заседании, зато в третьем одним из восьми высказался против. «Меня, честно говоря, просто возмутило, когда детей увязали с борьбой между разными финансовыми группами. Я бы не хотел, чтобы из наших детей делали живой щит для наших олигархов и силовиков, — объяснил Смолин свое решение, добавив, что его жена, детский психолог, другого от него и не ожидала. — И до сих пор я считаю, что это голосование было правильным. Я думаю, что патриотизм заключается вовсе не в том, чтобы с помощью детей защищать участников финансовых разбирательств. Патриотизм заключается совершенно в другом».

Не прошло и месяца со дня третьего чтения, как Смолин услышал о себе с телеэкрана: «Здание в центре Москвы. Особняк. Как только здание отошло к Всероссийскому обществу слепых, где депутат Смолин играет первую скрипку, — голос Андрея Караулова из передачи «Момент истины» звучал на фоне тревожной музыки, — там открылся... гей-клуб. Крупнейший в Европе».

Смолин не исключает, что это был ответ на его принципиальную позицию по детям, хотя и «не уверен в этом на сто процентов». В чем он уверен, так это в том, что быть принципиальным сегодня не так опасно, как когда-то: «Я думаю, где-то взяли на заметку в администрации президента, но никаких радикальных последствий не случилось. Сейчас не те времена, когда за такие голосования можно потерять свободу или что-то еще. Сейчас гораздо проще проявлять характер, чем во многие другие времена».

«Все-таки имеет значение, какую вы занимаете позицию, — убежден депутат-справоросс Валерий Зубов, еще один из тех восьмерых, кто «бросил вызов». — Если в вашей позиции видят какой-то личный или дешевый популистский элемент — это одно. Если ясно, что вы поступаете по убеждениям, даже враги к вам начинают относиться серьезно и даже, может

быть, с уважением. Я знаю, что, когда шло обсуждение, с кем говорить, а с кем нет, было сказано: здесь не надо, бесполезно. И никто не давил. И действительно никаких последствий пока нет». — «Думаете, уже и не будет?» — «Думаю, что нет».

В бытность губернатором Красноярского края Зубов лично курировал устройство красноярских сирот в США, а его супруга курировала детские дома: «Я просто думал: вот я сейчас зайду, открою дверь, а мой сын вот с такими глазами скажет: «Отец, ты как это проголосовал?» Я просто знал, что (если я проголосую «за») приду домой — меня не поймут». У Дмитрия Гудкова была похожая мотивация: «Я даже понимал, что, если там будет угроза лишения мандата, я не проголосую, — говорит Гудков. — Потому что моя супруга мне бы этого не простила».

Бунтари из регионов

Депутат Псковской областной думы от «Единой России», директор Печорской школы-интерната для детей-сирот Вера Печникова ни разу не проголосовала за закон, она воздержалась при обсуждении на профильном комитете и дважды не участвовала в голосовании — как до экстренного совещания фракции с губернатором Турчаком, созванного после того, как закон не прошел, так и после — когда пятеро ее коллег по фракции поменяли свою позицию и проголосовали за.

Текст постановления о поддержке «закона Димы Яковлева» появился в повестке дня заседания Псковского областного Заксобрании 25 декабря 2012 года. К тому времени закон уже прошел три чтения в Думе и не было никакой необходимости его рассматривать региональному парламенту. «Яблочник» Лев Шлосберг выступил перед коллегами с речью, в которой призвал их «воздержаться от участия в подлости, потому что участие в подлости является пожизненным и это будет невозможно исправить никогда и никому».

«В то время это была моя позиция, потому что мы в России не совсем были готовы к отмене иностранного усыновления, — рассказывает Печникова, сегодня уже бывший депутат Заксобрании области. — И до сих пор у меня есть некоторые сомнения, потому что слишком щедро начали отправлять детей в семьи неподготовленными и идет возврат детей в детский дом. Очень многие дети обрели там (в Америке) счастье, нельзя было так вот: раз, перечеркнули — и все. Если бы мы готовы были осчастливить всех детей сами — вопросов бы не было».

Печникова — а она не только директор школы-интерната, но и сама приемная мать — уверяет: сегодня отстаивать свою позицию можно. Что же касается ее выхода из депутатского корпуса вскоре после декабрьского голосования, то это никак не связано с позицией по «закону Димы Яковлева»: «Это совсем другая история, просто совпало по времени».

Уполномоченный по правам ребенка в Санкт-Петербурге Светлана Агапитова известна своими выступлениями против запрета на американское усыновление, за что ее публично критиковал Павел Астахов, а сочувствующие переживали, что она может лишиться своего поста. Но ничего подобного не произошло, и год спустя уполномоченная докладывает о судьбе 33 детей из «американского списка» в Петербурге: 8 сирот устроены в российские семьи (один усыновлен и семеро взяты под опеку), 13 усыновлены за границу, еще два дела об иностранном усыновлении рассматриваются судами в настоящий момент.

«Декларация о том, что это наши дети и они нужны нам самим, у нас пока не очень осуществляется. Половина (из американского списка) все равно уехали за границу, они не остались в России», — делает вывод Агапитова.

Вопрос о том, насколько сложно было выступить против закона, кажется ей странным:
«Вообще я считаю, что уполномоченный, который занимается такими детьми, в принципе, не может сказать, что ребенку лучше в учреждении, нежели в семье. И когда речь зашла о том, что ребенок либо останется в детском доме, либо его заберут американцы, то я не могла выступить по-другому».